

Он репетирует – значит мы существуем

Юрий Любимов показал своего «Онегина»

Общая газета, – 2000. – 8 июня. – с. 10

МЕСЯЦА ТРИ назад позвонила мне дама с французским именем, чуть ли не Мишель. Просила передать для Юрия Петровича Любимова кассету с записью «Евгения Онегина» в прочтении российского народа (я год назад снимал цикл «Наш Пушкин» для ОРТ, где «Онегина» – по строчке – читал всяк, кого удавалось «зацепить» нашей камерой). Такая просьба не могла не польстить самолюбию. Сам переписал, сам понесся в театр. И – три месяца ждал. Представлял (о, мечты идиота!), как ставлю спектакль вместе с Любимовым. Но вместо приглашения «на консультацию» последовало приглашение непосредственно на генераль-

ную репетицию. И не от Любимова, а от знакомых из «Общей газеты».

Я пошел. И как же был счастлив, что Любимов – человек, перед которым бесконечно преклоняюсь, разделил мою мысль, что «Онегин» – общий. И ничей одновременно. Каждый имеет право хотя бы на строчку из Пушкина. Потому что он обращался ко всем. И его главного героя не может сыграть один актер. Никто не имеет особого права на Онегина, его могут играть сотни людей – как в моем телевизионном цикле, или группа актеров – как у Любимова.

Ни один из спектаклей театра на Таганке не был предска-

мым. И Любимов взялся за Пушкина, когда все юбилеи отгремели, когда про Пушкина все всё сказали. А он опять хотел прокричать: мы – не как все. Мы другие. И – поступил как великий человек, потому что сегодня, когда не модно быть русским, говорить по-русски, Пушкин – это, может, и есть «наше всё», что осталось от нашей гордости. Даже юбилей, который оказался, скорее, губительным для имени поэта, Пушкина не убил, потому что мы будем читать Пушкина до тех пор пока живем на этой земле.

Любимов с его театром, как бы его ни ругали, ни критиковали (а его будут ругать и за «Оне-

гина» тоже, как за «Онегина» ругали самого Пушкина), – это единственная оставшаяся в живых живая культура. Театр – прямое общение со зрителем. Другого не осталось. А сегодня хочется нормальных слов. Хочется Пушкина. Мы не только говорить красиво разучились, мы думать разучились красиво. Пушкин стал олицетворением всего того, что мы боимся потерять. А мы боимся потерять свою культуру. Любимов нам ее возвращает. Потому что он – мудрец. Он старец. Уж конечно, не в смысле возраста и творческих сил. А в том смысле, что он свое сделал, поставил, получил свою славу. Что ему неймется?

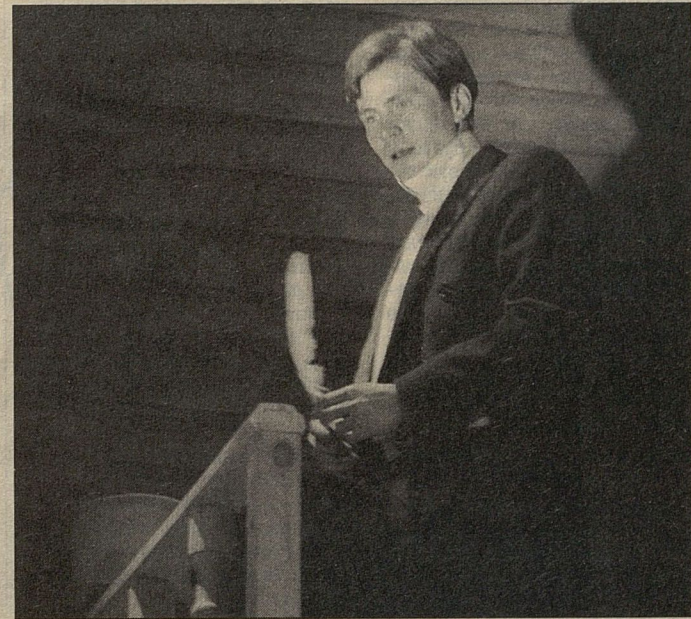
И Любимов расширяет границы «Онегина». Ему мало того, что написал Пушкин. Его художественный принцип – все воспринимать широко. И он знает, что Пушкин – это шире, чем «Онегин». Поэтому он обращается к тому, к чему на сцене обращаются крайне редко – он залезает в черновики, он врывается в мастерскую к поэту. Помните – «Пушкин никому лестницу не подставлял». Прыгай сам! А Любимов тот человек, который своим «Онегиным» подставляет к Пушкину лестницу. Карабкайся и смотри. Поэтому в спектакле звучат близкие нам интонации Бродского, Вознесенского, Гребенщикова – да всех! – поэ-

тому на майках у актеров – веселые слоганы «Наш Пушкин», «Мой Пушкин»... Он, Любимов, не только в пушкинских строчках ищет отклик на нашу действительность, на современность, а во внешних атрибутах.

«Онегин» – одно из самых грустных драматических произведений. Любимов делает мажорный финал. Потому что он художник. Он устал от трагедий, от идиотизма жизни (это его слова – «Все идиоты!»). А художник – это всегда проводник свыше. И сам он выше всех. У него есть право дарить нам надежду на то, что с нами еще не покончено.

Евгений ГОРЕЛИЦ

Дмитрий Муляр – артист, похожий на Онегина

Сергей ЗОНИЧЕВ